

Пьеса
«Дочери»

Действующие лица:

ДОЧЬ 1, ДОЧЬ 2 – основные рассказчицы, чей возраст в течение повествования меняется

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1 – чей возраст тоже меняется

ВРЕМЯ – которое тоже меняется, хотя времена всегда одинаковые, меняются только люди... Или не меняются?

I

Запись телефонного разговора. В это время на экране демонстрируется нарезка из разных кадров с изображением счастливого отца с маленькой дочерью.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Алло, алло?!

ДОЧЬ 1: Пап, привет. Пап, ты меня слышишь?

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Да, теперь слышу. Привет.

ДОЧЬ 1: Опять у вас что-то с телефоном. Как дела? Что делаете?

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Дед в магазин уехал, а я в саду копался, вот только зашел.

ДОЧЬ 1: Понятно. Сажаешь что-то?

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Да если бы! Копаю. Почва совсем ни к черту. На полметра вглубь разроешь, а там чего только нет. Битое стекло, стекловата. А потом дед удивляется, что ничего не растет.

Такая там, знаешь, советская стекловата – добротная, как мелкое-мелкое крошево. И сижу потом целый день и выгребаю из почвы – стекло в одну кучу, стекловату в другую..

ДОЧЬ 1: В общем, ты там не скучаешь. Ладно, пап, мне бежать пора. Деду привет, тебе поменьше стекловаты.

II

ДОЧЬ 1: Одно из самых ярких воспоминаний детства – когда мне было пять. Я стояла за нашим маленьким домом под вишней, слушала, как папа кричит на маму и плакала. Через забор меня заметил сосед и стал допытываться в чем дело. Я убежала от него в пристройку за баней, закрылась там и рыдала.

ДОЧЬ 2: Одно из самых ярких воспоминаний детства – когда мне было три. У меня родился младший брат. И мы поехали посмотреть на него в роддом.

ДОЧЬ 1: Отец выходит во двор и разговаривает вполголоса сам с собой, что зарплаты нет, а она деньги тратит (это он про маму).

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Как-будто я их печатаю. Где, где я их возьму, если зарплаты нет и неизвестно когда будет?!

ДОЧЬ 1: Отец прислушивается, бежит в пристройку, стучит, хочет меня вытащить, пытается выломать дверь. Я начинаю рыдать еще сильнее.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Открой, открой! Что случилось? Тебе плохо? Ты упала? Ударилась? Открой!

ДОЧЬ 1: Я продолжаю громко плакать. Отец выламывает дверь и вытаскивает меня.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Доченька, что случилось? Ты ударилась? Тебе плохо?

ДОЧЬ 1: Я продолжаю всхлипывать и бормочу – «Папа, папочка, пожалуйста, не кричи, не ругайся на маму. Это я ее просила мне куклу купить, она говорила, что денег не хватит, но я просила. Не ругайся, пожалуйста, папочка. Не надо!». Отец целует меня и прижимает к себе.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Не буду больше, обещаю. Прости, прости, прости.

ДОЧЬ 2: Мы приехали в роддом. Мама лежала в палате на первом этаже и там над подвалом был большой козырек. Папа поставил меня на него и постучал в окно. В окне появилась мама, она улыбнулась. Она была такая красивая. Потом она ушла куда-то и вернулась со свертком. Сверток был маленький и краснорожий. Он беззвучно раззевал рот. И я испугалась. Я развернулась к отцу и взяла его лицо ладонями. Я не хотела чтобы папа тоже испугался. А папа пытался аккуратно высвободиться из моих

ладоней. И все смотрел на этого краснорожего и улыбался. И мама улыбалась. А я заплакала.

III

ДОЧЬ 1: Когда мне было шесть, папа поставил меня на лыжи. Такие, знаете, простые детские, еще советские – без современных наворотов. Палки отец не купил, видимо, уже не хватило денег. Но он сделал вид, что так и надо – быстрее научусь. Он нашел какую-то плотную ленту, за один край держалась я, а за другой он, и бежал, и катил меня на лыжах. А потом я научилась сама скатываться с маленькой горки у нашего дома. И без палок было намного лучше, папа был прав.

ДОЧЬ 2: Когда мне было шесть, раз в неделю, с отцом и младшим братом мы ходили в спортзал возле дома. Там маты, спортивные снаряды и разные мячи. И еще скакалки. Я хорошо прыгала на скакалке. Могла делать даже тройную прокрутку. И там еще были разноуровневые брусья и кольца. И бревно. И вот один раз мы пришли и сторож нам сказал, что с детьми нельзя. А папа ему сказал, что еще на прошлой неделе было можно. А сторож сказал, что теперь нельзя. И мы пошли домой. И я плакала. И брат плакал. А папа сказал, что сейчас дома у нас будет свой собственный спортзал. И мама дала нам старый ватный матрас, который мы хотели отвезти на дачу и я показывала папе как могу делать мостик, а брат набивал мячик десять раз. А потом папа стоял на голове. А потом прибежала противная соседка снизу и нам пришлось прыгать на скакалке во дворе. Папа мог делать только двойную прокрутку.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: То есть как уволен? Я же один из лучших сотрудников, вы же сами говорили. Как можно было сократить количество рабочих мест до одного? И это в нашем-то отделе? У нас же работы на пятерых! И чем я хуже Валерки, которого вы оставили? А-а-а, не опаздывает так, как я? Зато я все делаю качественнее. Вы же сами говорили, что мою работу можно не перепроверять. Ну и что?! И это ваше последнее слово, да?.. Хорошо. Только свой рабочий компьютер я заберу с собой. Пусть

это будет моральной компенсацией за вашу подлость. И нет, я не хамлю, а говорю, как есть!

IV

ДОЧЬ 1: Когда мне было восемь, я впервые узнала, что такое – стыдиться отца. В классе нас попросили заполнить анкету о семье. Знаете, такие опросники – кем работает твой отец, кем мать. Ну и я написала так, как слышала дома: мама – бухгалтер, папа – сторож на СТО. Тогда не было в ходу слов «охранник» или «секьюрити». Один из пацанов в классе увидел, что я написала, и начал меня дразнить: «Ее отец сторож! Прикиньте, он машины сторожит, а у самого ничего нет». Это было очень обидно. Причем, обида была не только на одноклассника, но и на отца – неужели он не мог найти работу попримочнее, чтобы мне было не стыдно о ней рассказывать.

ДОЧЬ 2: Когда мне было восемь, я впервые узнала, что такое – гордиться отцом. Я всегда знала, что папа очень красивый. И это было нормально. Это было так, как будто так и должно быть. Но один раз он взял меня на работу и мы шли за руку, и все женщины смотрели на него, а потом на меня, и улыбались. Папа был одет в синюю летнюю форму с погонами и еще у него была фуражка. На фуражке дубы и кокарда. А я в бежевом пальто с помпонами. Мне папа его из Москвы привез. Он мне много одежды привозил. Мне, сестре и брату. А потом мы пришли на работу и все-все вокруг его знали. И подходили к нему здороваться за руку. И называли по имени отчеству, и на «Вы». Это было странно.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Я могу с нуля настраивать компьютеры, любые – 486-й, пентиумы. Могу следить за оргтехникой, настраивать ее. Чинить в случае поломки... Как нет подходящих вакансий? Совсем нет? Инженеры этой стране уже совсем не нужны?! Хорошо, а какие есть вакансии? Сторожа? Спасибо, я еще подумаю.

V

ДОЧЬ 1: Когда мне было десять, я знала содержание всех книг Козлова – был в 90-х такой популярный психолог в русскоязычной среде. «Как относится к себе и людям», «Философские сказки», «Простая правильная жизнь» и все такое – с неизменным снобско-сексистским налетом. Это я сейчас понимаю, а тогда зачитывалась, потому что папа рекомендовал. Позже еще был Киосаки и даже, прости Господи, «Звенящие кедры России» про Анастасию. Слышали про такую? Если нет, то вы везучий человек. Помимо книг папа усиленно учил меня английскому по собственной методике и мечтал написать учебник. А еще у него каждую неделю возникали какие-то фантастические бизнес-планы, как можно заработать денег. Он мог часами и в деталях об этом рассказывать мне и маме. Работал папа все так же – сторожем на СТО.

ДОЧЬ 2: Когда мне было десять, я прочитала все рассказы Куприна и Булгакова. И Конан Дойля – «Записки о Шерлоке Холмсе». Папа вообще мне много книг предлагал. Еще Пикуля и «Одиссею капитана Блада», и «Наследник из Калькутты», и «Два капитана», и «Арктический Мост». А Мориса Дрюона мне уже сестра посоветовала.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Смотри, у нас на даче столько яблок! Чтобы они не пропадали, можно сделать сок, а жмых пустить на пастилу. Потом ее разрезать на мелкие кусочки, упаковать аккуратно и продавать возле школы. Кто продавать будет? Ну ты или мама. Мама работает? Блять! А я что не работаю, что ли? И еще постоянно думаю, где деньги взять на отдых и на шмотки вам... Куда ты пошла – дослушай, что я говорю.

VI

ДОЧЬ 1: Когда мне было тринадцать, мы впервые всей семьей поехали на Иссык-Куль. И знаете, что взял на отдых мой отец? Книгу по изучению HTML – вот такой толщины! Все правильно – пляжный отдых ведь располагает к изучению языка гипертекстовой разметки документов. Еще в тот период отец вбил себе в голову, что для будущего мне полезно уметь устанавливать и переустанавливать операционную систему на компьютерах, офис,

антивирусы и всякие там драйверы. Это был еще доноутбучный период, когда, если дома у тебя стоит «Пентиум», то это почти как «Майбах» в современном мире. У меня вот стоял. Правда, больше ничего ценного кроме него у нас в доме не было.

ДОЧЬ 2: Когда мне было тринадцать, развалился Советский Союз. Одна за другой открывались частные авиакомпании и папа первый раз полетел в заграничный рейс. В Грецию. И привез оттуда свежие помидоры и еще шубку мне из лоскутков норки. Помидоры в декабре. Прикиньте, круто как!

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Блять! Ты почему такая тупая! Неужели непонятно, что для переустановки программы нужно нажимать сюда, вот на эту кнопку. Что ты не понимаешь? А?! Потому что на английском написано? А на хрена я тебя уже столько лет английскому учу, чтобы ты потом не понимала простейшие команды. Все, пошла отсюда, раз ничего не соображаешь. Что толку с тобой сидеть... Ты понимаешь, что если бы я этого не умел, меня не взяли бы на работу. Понимаешь ты это или нет? Стой, куда пошла! Еще раз попробуй установить и потом пойдешь.

VII

ДОЧЬ 1: Когда мне было пятнадцать, я хотела убежать из дома. А еще мечтала, чтобы мама развелась с отцом. Одним зимним вечером, когда отец пришел ко мне в комнату орать по очередному поводу, мне хотелось выбежать во двор, не одеваясь, а потом за калитку и бежать-бежать-бежать.

ДОЧЬ 2: Когда мне было пятнадцать, я хотела убежать из дома. Потому что других девочек отпускали гулять до одиннадцати, а мне в девять надо было быть дома. И их отпускали даже на турбазу и разрешали красить ногти и глаза. А мне в десять надо было ложиться спать.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Сука! Я тебе сколько раз могу говорить одно и то же?! Когда ты начнешь запоминать? У тебя что – мозги куриные?! Что ты отворачиваешься? На меня смотри! В глаза мне смотри, я сказал! Сука!

ДОЧЬ 1: И бабушка еще такая из другой комнаты – «Я тебе сколько раз уже говорила, что ты ее распустил. Ведьма она – такая же, как и ее мать...».

VIII

ДОЧЬ 1: Когда мне было семнадцать, нас с мамой выгнали из дома. То есть технически выгнали ее, потому что, как говорила бабушка и моя тетя по отцовской линии, – «Все беды в нашей семье от твоей жены».

Для меня это стало облегчением. Потому что незадолго до этого отец начал замахиваться на нас с мамой и мне стоило большого труда ему противостоять.

ДОЧЬ 2: Когда мне было семнадцать, я ушла из дома. Потому что у Юры футболка «как из задницы». Да, папа так и сказал: «Почему у твоего Юры футболка, как из задницы, у него что дома утюга нет?» А у Юры дома был утюг, просто Юре было наплевать. И вообще Юра был очень грубым. Но мой отец никогда не был грубым. Он не говорил слово «задница» вслух. Первый раз тогда сказал. И я очень обиделась. И стала кричать, что у нас любовь и вы ничего не понимаете. И вы меня достали все и я ухожу. Тогда папа толкнул меня ладонью в лоб. Просто так толкнул, легонько. Он меня никогда раньше не толкал. И я ушла и ночевала дома у старшей сестры.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Куда ты пошла! Я тебя не отпускал! Ты что на меня так смотришь, что смотришь, я тебя спрашиваю?!

ДОЧЬ 1: Он замахнулся на меня и я сказала – «Только попробуй. Только попробуй меня ударить». Он остановил руку в замахе рядом с моим лицом. В миллиметре от моего лица.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Ах ты сука. Пошла отсюда! Быстро!

IX

ДОЧЬ 1: Когда мне было восемнадцать, я все еще слушала отца. То ли по инерции, то ли из жалости – не знаю. Я делилась с ним своими новостями о работе и учебе, хотя в глубине души была обижена, что после развода он отказался отдавать накопленные мне на учебу деньги и мое большое желание учиться за рубежом так и осталось мечтой.

ДОЧЬ 2: Когда мне было восемнадцать, я училась в институте. И меня страшно раздражало, что половина преподавателей с папой училась, а половина работала. И фамилия еще такая редкая, не «Иванова», и не «Петрова».

- А вы случайно не старшая дочь?

- Нет. Средняя.

- Ну, передавайте папе большой привет.

И вот я как-то раз покурила с девчонками за углом и препод по сопромату нас всех спалил. А в кабинет вызвали только меня. И как давай он мне там рассказывать, как стыдно подводить такого уважаемого человека и вот если папа узнает, что я курю, то это будет позор. И хорошо что это он нас увидел, а не декан. А я и так готова была сквозь землю провалиться. А тут он еще с этими разговорами.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Смотри, если бы твоя мать не решила разводиться и не забрала часть накопленных денег, то ты смогла бы поехать учиться.

ДОЧЬ 1: Я ответила – «Это же ты не захотел отдавать половину! Мама была готова отдать все и еще занять, чтобы отправить меня на подготовительный курс в Прагу. А там бы я получила грант и дальше вам почти не пришлось платить за меня»...

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Если бы твоя мать не решила разводиться...

ДОЧЬ 1: Я сказала – «Это же бабушка и твоя сестра выгнали нас из дома!»

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: С ними я разберусь, но если бы твоя мать не подала на развод...

Х

ДОЧЬ 1: Когда мне было двадцать, я хотела выйти из окна. Я так устала от семейных разборок, постоянных обвинений со всех

сторон. «Это ты виновата, что мать ушла от отца. Это ты поддержала ее решение».

Я училась и параллельно работала допоздна, не высыпалась и была на пределе. Однажды, когда в квартире маминых родителей, куда мы переехали после развода, никого не было, я встала на подоконник и открыла окно. Падать с пятого этажа казалось не очень далеко, но все равно страшно. «Вдруг я не разобьюсь насмерть, а стану инвалидом и обузой для матери?». Я постояла, подумала, а потом закрыла окно. Решила: «Хрен им всем. Останусь жить и добьюсь всего, чего хочу. Сама».

ДОЧЬ 2: Когда мне было двадцать, я хотела выйти из окна, чтобы этого не сделал отец. Владелец папиной авиакомпании собрал все деньги со всех счетов всех пилотов и свалил за границу. И папа остался без работы. И без накоплений. Авиакомпания разорилась и папа слег. Он лежал сутками без сна и просто смотрел в потолок. Он начал худеть, сереть и из веселого и красивого мужчины превратился в тень. Он заболел. Денег не было совсем. С едой тоже были проблемы (я до сих пор не ем макароны). Как-то мама купила мне новые бриджи, тогда только началась на них мода, и это была первая обновка за долгое время. А на следующий день я умудрилась сесть в них на окрашенную скамейку. Я пришла домой со следами синей краски на заднице и мама хотела оттереть краску керосином. На бриджах расплозлось огромное масляное пятно. Это была последняя капля в моё отчаяние. Я так рыдала, что хотела сигануть с третьего этажа. А потом пятно испарилось и я поняла, что так больше нельзя и нашла работу.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Вы понимаете, что вы мне семью развалили?! Суки! Из-за этого гребаного дома вы развалили мне семью! У сестры ведь есть уже квартира, что ей еще надо! Часть дома?! Давайте я ее выкуплю! И подавитесь этими деньгами, твари! Суки, вы мне семью развалили...

XI

ДОЧЬ 1: Когда мне было двадцать три, я хотела отказаться от своего отчества. Я ненавидела, когда в банке или где-то еще ко

мне обращались по отчеству. Это был период, когда я начала осмысливать все те психологические травмы, которые достались мне от отца. А когда узнала, что отец вынудил бабушку переписать на него дом, из которого нас когда-то выгнали, то хотела пойти к нотариусу и написать отказную на наследство. Но так и не дошла – ни до нотариуса, ни до ЗАГСа, чтобы разобраться с отчеством – всегда находились дела поважнее – дедлайны на работе, по учебе или поездки.

ДОЧЬ 2: Когда мне было двадцать три, я работала на хорошей работе и получала хорошие деньги. Я обеспечивала семью: маму, папу, сестру с племянником и младшего брата. Папиной мизерной пенсии и копеечной зарплаты сестры с трудом хватало на коммуналку, так что основной добытчицей была я. В тот год проходил чемпионат мира по футболу, я заранее начала подрабатывать, откладывать и купила папе огромный телек, чтобы он мог смотреть матчи на большом экране. Помню папа был смущен, а мама расплакалась и всех обзвонила и рассказала всем.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: То есть как это вы меня увольняете? Что? С моей работой может справиться вчерашний школьник? Да вы понимаете вообще, с кем вы разговариваете! Я советский инженер, выпускник Политеха! А вы все недоучки и бездари! Уберите от меня свои руки!

XII

ДОЧЬ 1: Когда мне было двадцать семь, я собралась замуж. И я была настолько обижена на отца, что не хотела звать его на свадьбу. Уговорила меня этого не делать семья моего будущего мужа. И я позвала.

ДОЧЬ 2: Когда мне было двадцать семь, я была беременна старшим сыном. И уже два года была замужем за самым лучшим мужчиной на свете. Он папе сразу понравился. Они как-то легко сошлись. Долго степенно беседовали, много шутили. И никогда не носили

мятую одежду. Я была круглая, как шар, и папа приезжал два раза в неделю просто меня навестить. Я кормила их ужином и ложилась на диван. Потому что даже сидеть уже было тяжело. И папа массировал мне руки, а муж ноги. Потому что я вся отекала и была похожа на кита.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Вот тут миллион тенге тебе на свадьбу. Но лучше потратьте их на что-нибудь полезное или положите на депозит.

ДОЧЬ 1: Я спросила - «Откуда у тебя деньги? Ты же сейчас почти не работаешь? Неужели сторожам теперь столько платят».

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Это те деньги, которые мы собирали тебе на учебу, я их сохранил. Надо было, конечно, в доллары перевести, сейчас курс намного выше, чем тогда.

ДОЧЬ 1: А я сказала - «Еще бы, почти десять лет прошло. Но все равно спасибо - не ожидала».

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: В общем, потратьте их с умом, не транжирьте на что попало.

ДОЧЬ 1: И я ответила, что не будем - купим спальную гарнитуру в квартиру.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Блять, я же сказал - не транжирить...

ХІІІ

ДОЧЬ 1: Когда мне было тридцать два, я хотела закрыть своего отца в психушке. Потому что скандалами и неконтролируемой агрессией он доводил своего отца, моего дедушку, до того, что тот уходил из дома и готов был ночевать на вокзале или в аэропорту, лишь бы не возвращаться домой. Бабушка к этому времени умерла, а тетя уехала из страны. У отца уже была явная психиатрия и уговорить его могли либо медбратья, либо участковый. Но никто из них не захотел с этим связываться без заявления дедушки.

ДОЧЬ 2: Когда мне было тридцать два, я была беременна вторым сыном. И вдруг стала замечать, как папа стареет. Он стал совсем седой и грузный, но все еще был очень красивый. Как-то мы поехали всей семьей на озеро. Мама с папой, старшая сестра с двумя сыновьями и мужем, я с пузом, с мужем и сыном, мой младший брат с женой и дочерью. И папа сидел на большом

раскладном стуле, а мы возились возле его ног, играли с детьми, ели арбуз. А папа просто сидел смотрел на нас и улыбался. А мама плакала. Он был похож на старого льва. Такой большой с седой гривой. А мы его прайд.

ОТЕЦ ДОЧЕРИ 1: Пусти его. Сидит и пусть сидит. Не создавай проблем еще своей семье. Ты подумай – ты по-попрешься.. Вы когда обеспечивали эту и за свой счет, и за мой, блять, счет. И ебошил я, отрабатывал этот типа дом. И ты попрешься туда.. Люди сделали квартиру, в то время, когда вы, блять, сука, и похороны повесили. Все, деньги все туда, все туда, блять. А он еще рассказывает мне, что он ниче не это.. Пока они не съебались в Москву, он только тогда в смысле, тогда стали какие-то деньги собираться..

ДОЧЬ 1: Я сказала – «Деда, собирайся и поехали. А дед ответил, что никуда не поедет. И тогда я сказала, что вызову ментов».

XIV

ДОЧЬ 1: Когда мне исполнилось тридцать пять, я осознала, что отец меня любит. Да, его любовь токсична из-за всего пережитого. Перестройка, безработица, раздутое эго молодого и подающего надежды инженера, предательства семьи. И все его психологические, а потом и психические проблемы. Такая вот любовь человека, который не справился с обстоятельствами и сжег свою жизнь в обидах и несбывшихся надеждах. И я впервые захотела поговорить с отцом.

ДОЧЬ 2: Мне тогда исполнилось тридцать пять. Утром позвонила мама и сказала, что у папы случился инсульт и что он в больнице. Я приехала туда днём. Меня долго не пускали, сказали что он слабый и пока нельзя. Когда я зашла, папа лежал на кровати и был очень бледный. Он узнал меня и попытался улыбнуться. Но у него не получилось. И мама заплакала. Мне сказали, что надо уходить. Я сказала папе, что приду завтра. Он попытался что-то сказать, но у него не получилось. Тогда он медленно, очень медленно поднял большой палец вверх. Что все хорошо. Что я могу идти. А ночью позвонила мама и сказала, что

папы больше нет. И я поняла, что больше никогда не смогу поговорить с ним.

ДОЧЬ 1: Пап, я давно хотела тебе сказать, что ты был не прав. Но я все равно люблю тебя, папа.

ДОЧЬ 2: Пап, я давно хотела тебе сказать, что ты был прав, у Юры действительно футболка, как из задницы. И я очень люблю тебя, папа. И очень скучаю.

На экране проектора появляются кадры, на которых мужчина идет за руку с маленькой дочкой.